

Александр Архангельский
Москва

ОТДЕЛ: ЧТО СОЗДАЛИ ФИЛОСОФЫ-ШЕСТИДЕСЯТНИКИ?

Когда мы с коллегами приступали к работе над 8-серийным документальным фильмом *Отдел*¹, нас занимал главный вопрос: о ком мы все-таки рассказываем? О великих людях, которые внесли огромный вклад в историю мировой философии? Тогда почему их сегодня мало кто цитирует за пределами России (да и в России тоже не слишком охотно)? Или мы говорим о тех, кто временно выполнял функцию философа и потерпел сокрушительное поражение? Тогда почему целое поколение гордилось ими? Что это было за явление — круг либеральных, легальных, вписанных в систему, и при этом стремящихся к свободному философствованию мыслителей, сформировавшихся в первые послевоенные годы и доживших до перестройки?

Начинаем мы с того, что в 1966-м был создан Институт международного рабочего движения, в котором неожиданным образом собираются ключевые интеллектуалы поколения — философы, социологи, публицисты. От Мераба Мамардашвили до Юрия Карякина и от Юрия Замошкина и Эриха Соловьева до Пиамы Гайденко. Они — сотрудники отдела, занимающегося изучением проблем общественного сознания. И в метафизическом смысле отделены, обособлены от внешней советской жизни. Им дан шанс сосредоточиться на мысли. В самом, казалось бы, неподходящем для этого месте — в институте, который должен заниматься мировым профсоюзным движением. Так разрушается один из распространенных стереотипов: будто в послевоенном СССР не было особых ниш, внутри которых сочетались относительная свобода интеллектуальной деятельности и абсолютная легальность существования. Другой вопрос, какую цену приходилось платить за эту возможность и как долго могла продолжаться такая двойная

¹ *Отдел*: Документальный проект Александра Архангельского. В 8 сериях. Москва: ГТРК «Культура» 2010. (В интернет-варианте все серии доступны для просмотра на сайте канала «Культура»: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=469850> и далее).

игра в поддавки — между властью и вольным философским сообществом,

То, что происходило в ИМРД с 1966 по 1968 год, удивительно. Но еще удивительней то, что будущие ключевые сотрудники института сложились как философское поколение не после XX съезда, а в самый мрачный период сталинской агонии, между 1946 и 1956 годом. Предшественником, предвестьем Отдела, стало Отделение — философский факультет в МГУ.

Казалось бы, не было ни малейших предпосылок для формирования философского сознания и философского языка в эти годы. Философская традиция уничтожена, большинство философов либо изгнаны, либо погибли в лагерях, либо сосланы; даже Маркс изучается не в подлинниках, а в пересказах, философское начальство состоит из плагиаторов и тупиц. И вдруг посреди этой погромной атмосферы складывается студенческое сообщество — вместе учатся Мераб Мамардашвили, Карл Кантор, Юрий Левада, Юрий Карякин, Борис Грушин, Георгий Щедровицкий; чуть старше — Александр Зиновьев, Эвальд Ильенков, чуть младше — Неля Мотрошилова, Эрих Соловьев. Они общаются, ищут путь к «настоящему» марксизму, постепенно расчищая собственное сознание.

Мы приходим к выводу, что главная причина этого «философского чуда» — то, что часть студентов прошла через Великую Отечественную; сознание их во многом оставалось глубоко советским, но фронт освободил их от многих штампов, страхов, иллюзий. Важно также, что талантливые студенты нашли путь к «недобитым» старым философам вроде Валентина Асмуса. И произошла встреча поколений. И еще один фактор: языки. Это было первое (после «философского парохода») поколение, которое стало читать мировую философию в оригинале. А цензоры были неграмотны; в Пашковом доме можно было заказать и книги Серена Кьеркегора, и кого угодно.

Лидерами факультета в это время становятся фронтовики Ильенков и Зиновьев. Вокруг Зиновьева складывается группа «диалектических станковистов», молодых логиков и методологов, та легендарная четверка, которая определит лицо советской философии и социологии на несколько десятилетий вперед. Зиновьев, Мамардашвили, Грушин, Щедровицкий. Потом их пути разойдутся. Зиновьев станет главным логиком страны; Мамардашвили на годы уйдет в тень, чтобы дозреть до состояния подлинного философа, Грушин в Комсомолке создаст социологическую службу, Щедровицкий начнет преобразование науки, по амбициям сопоставимое с ньютоновским. Левада выучит китайский, поедет в Китай, а потом напишет первую в истории СССР

книгу по социологии религии. Но пока они твердо намерены обновить язык советской философии; их совместное творчество дает надежду на прорыв.

Впрочем, прежде чем собраться в Институте международного рабочего движения многие его будущие сотрудники (от куратора Черняева, директора Тимофеева и его зама Амбарцумова, и социолога Араб-Орглы, до Мамардашвили, Карякина, Лукина) прошли через «чистилище» еще одного удивительного заведения послесталинской эпохи. Журнал «Проблемы мира и социализма», наследие Коминтерна. Совместное издание коммунистических партий всех стран, редакция которого находилась в Праге.

Опять же, странное место для вольной философской, публицистической, социологической мысли. Но именно здесь люди поколения Мамардашвили напрямую соприкоснулись с реальной политикой, начали напрямую взаимодействовать с самыми известными левыми мыслителями Запада, от Сартра до Маркузе. И получили косвенное представление о европейской жизни, разомкнули свое сознание в еще одну сферу. Карякин стал заниматься Достоевским и Солженицыным, Мамардашвили «вчитывался» в мировой контекст. Здесь же — параллельно с Комсомолкой — работал Грушин. Возник еще один «особый отдел» — пространство, отделенное и обособленное от стандартной жизни, открывшее лидерам поколения перспективу саморазвития. (При этом курировал журнал, опять же, Анатолий Черняев.)

Это тот этап в жизни наших героев, когда они испытывают очень важную иллюзию, что советскую систему (цепу которой они уже все поняли) и марксистскую идеологию (доверия к которой все меньше) удастся преобразовать изнутри ее самой. И, возможно, в то время такой шанс еще имелся. Так лицеисты пушкинского призыва испытывали важную иллюзию, что Лицей, созданный для воспитания управленческой и политической элиты, подготовит их к государственному деланию и мирным реформам. Потом лицеисты поймут, что план действий изменился, и все, что могли и хотели воплотить в политике, воплотили в словесности, придав ей мощное ускорение. А русская жизнь продолжала двигаться своим чередом, к потрясениям.

Оказавшись в ИМРД, лидеры гуманитарного поколения тем не менее сразу же постарались раздвинуть границы отдела, ввести в его неформальный состав тех коллег, друзей, участников культурного диалога, которые в институте в данный момент не работали. Так возник «кружок Замошкина» — в открытом и гостеприимном доме молодого руководителя отдела американиста, историка американской социологии Юрия Замошкина и его жены, философа Нели Мотрошиловой. Хотя «дом»

— громко сказано; это крохотная академическая квартирка на ВДНХ. Идут постоянные споры — о языке философии, о советском опыте, о мере компромисса, о самопознании, о литературе, театре, кино.

Вместе с «институтскими» — Соловьевым, Кантором, Мамардашвили, Вульфом, Давыдовым — здесь постоянно бывают и Зиновьевы, и Грушины, и Эрнст Неизвестный, и Александр Пятигорский, и многие деятели позднесоветской культуры. Формализованные исследования ИМРД уступают место вольной интеллектуальной дискуссии, начавшейся на философском отделении, продолжившейся в «отделенном» существовании «Проблем мира и социализма» и отдельской жизни института. Как выразился Борис Грушин, семейство Замошкиных умело жить под водой и учило этому искусству всех окружающих.

Это было в духе эпохи. Практически одновременно с замошинским кружком начинают стихийно складываться неформальные объединения художников, музыкантов, артистов; одним из интеллектуальных центров притяжения становится мастерская Эрнста Неизвестного, другим — театр на Таганке. И к кругу Неизвестного, и к кругу Таганки, и к кругу МХАТа причастны «главные» сотрудники ИМРД. А через эти круги они соприкасаются с поэтическим кругом Давида Самойлова, с Высоцким... словно в предчувствии надвигающихся испытаний (хотя реально на них настроены немногие), интеллигенты плетут сеть дружеских взаимоотношений, которые как бы позволяют опылить среду, помогают ей свободно развиваться.

Одна из главных «героинь» проекта, философ Неля Мотрошилова, говорит, обращаясь к зрителю: история ИМРД короткая, началась она в 1966-м, закончилась в 1968-м. Разумеется, с фактической точки зрения это не так; только в 1969-м в институт придет работать один из лучших исследователей французского трагического гуманизма, Самарий Великовский, чуть позже — крупнейший политический мыслитель Герман Дилигенский; продолжают свою работу здесь политический историк Александр Галкин, Виталий Вульф и другие. Но если рассматривать «отдел» как понятие символическое, — а именно в эти годы Мамардашвили и Пятигорский пишут совместную книгу о философии символа, — то нужно признать, что рубеж пролегал именно здесь.

С формальной точки зрения пражские события не перекрыли кислород вольным мыслителям, которые не хотели переходить в политическую сферу, но и обслуживать идеологию не желали. Это окончательно произойдет позже, ближе к 1972-му. Но тот отдел, который стал знаковым для эпохи шестидесятых, свое существование прекратил. Замошкин ушел в новый институт США и Канады; Давыдов — в ИКСИ, туда же, куда ушел из МГУ после скандала с рассыпанными *Лекциями по социологии* Юрий Левада;

Карякин занялся театром, Мамардашвили перешел в журнал «Вопросы философии». Продолжали действовать круги, кружки, семинары; каждый отделился от отдела и зажил отделенной интеллектуальной жизнью, которая становилась тем интенсивней, чем жестче была атмосфера эпохи.

Не случайно именно в 1969-м появляется эссе Андрея Амальрика *Просушествует ли СССР до 1984 года*.

Наступают 1970-е. Все, что накопили герои фильма, все, что они осмыслили, должно быть испытано на прочность.

Анатолий Черняев пишет в своем дневнике:

Накануне XVI съезда профсоюзов мне приснился сон. ...Парк. ...В центре какие-то лестницы царского типа, они поднимаются к платформе. Справа внизу — бассейн и бани. Слева — теннисные корты. Весенний майский день. Много народу. Ждут. Я стою на платформе с краю. Появляется Брежнев. На руках у него ребенок, девочка явно еврейского вида. ...Он в белом летнем костюме. Веселый, шутит с окружающими. По толпе шепот: пойдет в баню или на корт? Свернул вроде направо, к бассейну. Но через минуту появился опять на платформе, уже в пижамных штанах и безрукавке..., в накинутом неопрятном халате. Вид растерянный, пьяный. Девочка по-прежнему на руках. Рядом паясничает какой-то молодой человек спортивного вида, в коричневых трусах и тенниске.

И вдруг Брежнев вынимает член, большой, полунапряженный, и начинает ссать. Не под себя, а в толпу. И как-то так получилось, что близко бывшие от него расступились, и струя направлена на меня. ...Вижу, что он не «персонально» на меня ссыт... Тем не менее я не знаю, что мне делать. Все на меня смотрят. Я колеблюсь — ловко ли, не оскорбительно ли для него уклониться от его брызг. Я все-таки пытаюсь отстраниться... Провал. Брежнев исчезает куда-то в сторону кортов. И в этот момент начинается страшная сумятица. Все в панике бросаются к ограде, перед нею крутой обрыв, за ним — канава, потом уже улица, по которой мчатся машины. Люди срываются с обрыва, катятся, сбивают друг друга, лезут сквозь прутья ограды и под нее. Визжат дети, женщины растрепанные мечутся среди упавших. Грохот. Вой сирен².

Перед лояльными философами встал жесткий выбор: прощаться с профессией и уходить в диссиденты (никто из наших героев на этот путь не вступил), прощаться с отечеством и средой и уезжать в эмиграцию (выбор Пятигорского, Неизвестного), попытаться снова вступить в ту же реку и пересидеть грозу в «отделе» (вторая Прага Грушина), переделать жизнь (вариант Щедровицкого), попрощаться с Москвой и перебираться в провинцию у моря (Давид Самойлов и Мераб Мамардашвили, который уезжает в Тбилиси). Или — это страшный выбор Ильенкова — покончить с собой.

² А.С. Черняев: *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. Москва: РОССПЭН 2010, с. 266–267.

При этом в жизнь входит уже следующее поколение интеллектуалов — Сергей Аверинцев, Александр Панченко; все слышнее голос Дмитрия Лихачева; интеллигенты этого круга начинают думать о том, что прошло мимо сознания большинства героев нашего проекта — о вере, религиозной традиции и культуре, о метафизике истории.

Одним из главных, почти романских, испытаний для «отдела» стала публикация романа Александра Зиновьева *Зияющие высоты*, в котором социологическому осмеянию был подвергнут не только мир официальной философии, но и весь замосковский кружок, и весь круг Неизвестного, и персонально лидеры философского поколения — Мамардашвили, Карякин, Грушин, Щедровицкий; впрочем, и самому себе Зиновьев пощады не дал.

Это испытание на внутреннюю прочность «отдел» не прошел; раскол был полный, отъединенность ощущалась все острее. Но в то же самое время поставило героев перед метафизическим выбором — состояться одиноко, вопреки всему, или — не состояться, и потом жаловаться на внешние обстоятельства, советскую власть, КГБ и проч.

Героем философствующего поколения становится Мераб Мамардашвили. Он всегда вызывал уважение, смешанное с пиететом, но держался чуть обособленно, он был как бы сам себе — отдел. И дозревал до момента полноценного раскрытия своей умственной формы долго. Хотя, повторимся, всегда держался со всем миром западной философии на равных. В конце 1970-х он уезжает в Тбилиси, где дышится чуть легче, где есть директор института философии Нико Чавчавадзе, где Шеварднадзе действует умней и осторожней, чем обычные советские начальники, и где можно прикрыть ощущение исторической беды гуманизированным национализмом, к которому в этот короткий период Мамардашвили был склонен.

В отличие от Щедровицкого, он не переделывает мир. В отличие от Грушина и Левады не описывает его. В отличие от Карякина никого ни в чем не переубеждает. Он — мыслит вслух. Он выговаривает темноту сознания, чтобы просветлить ее. И точка.

Тем временем интеллектуальная среда дозрела до того, чтобы сложная речь Мамардашвили была услышана. Он читает лекции в Институте психологии (отношения философов с психологами этого поколения — отдельная важная тема), на которые стекается вся думающая Москва; он начинает вести семинары во ВГИКе, на Высших режиссерских курсах. И постепенно превращается в культовую фигуру. Что тоже несет в себе некоторый соблазн.

Тем не менее именно Мамардашвили первым заговорил на несоветском, европейском философском языке; он в личном качестве прорвал

железный занавес сознания, который был куда непробиваемей, чем занавес политический; он вышел за рамки постмарксистского позитивизма. Отдельная история — его случайное знакомство с о. Александром Менем: они проговорили почти целые сутки, и изнутри разных миров нашли общий язык.

...И вот советский период русской истории закончился. И настал самый трудный, самый ответственный момент в биографии героев. Двери из «отделов», «отделений», «кафедр», «семинаров», «кружков» вдруг открылись, и все, над чем эти люди работали на протяжении целой жизни, оказалось внезапно востребовано. И сами они в личном качестве — тоже. Но не только как мыслители, а как практические деятели.

Есть перестроечная короткометражка Александра Сокурова — водитель-бомбила включает кассету с голосом Мамардашвили и слушает его. Карякин выступает на Первом съезде с требованием вернуть гражданство Солженицыну. Щедровицкий проводит свои «игры» по всей стране. Грушин и Левада создают ВЦИОМ.

Но одновременно начинается слом всех мифов, распад всех искусственных конструкций, которые помогали героям удержаться в противостоянии со временем, но оказались в реальности нежизнеспособны в пределах реальной истории. Мамардашвили, для которого национальное грузинское начало всегда было некой формой самозащиты, вынужден сказать: если мой народ выберет Гамсахурдиа, я перестану быть с моим народом. Спустя несколько лет Юрий Карякин, уповавший на русский дух, «достоевское», «солженицынское» начало в народе, в прямом эфире бросит свои знаменитые слова «Россия, ты одурела». При этом, идя к микрофону, он, по собственному признанию, будет думать именно о Мамардашвили. В последнем интервью Грушин произнесет: жизнь была яркой, но прожита зря. А Щедровицкий в свойственной ему сверхжесткой манере скажет своим последователям: облить бы вас бензином, да сжечь.

Что это: признание поколенческого поражения? Или, наоборот, трагическая требовательность к себе, которая обозначает планку — стать равными всему миру, конкурировать без скидок на отсталость? Или ошибка «хода» — вмешательство в реальную политику, для которой эти мыслители не были предназначены?

И хотя 1990-й складывается крайне печально — практически одновременно убит отец Александр Мень, умирает Мамардашвили, уходят Великовский, Эйдельман; поколение — один на один с историей, подводит итоги — эти итоги обнадеживают. Все они так или иначе состоялись. Их роман с мыслью — случился. Язык, которого не было, выработан. Традиция, которая была разорвана — восстанавливается.

Видимо, в этом заключалось предназначение философов-шестидесятников: выработать отсутствующий язык для свободной, на равных с европейскими коллегами, рефлексии; они дали следующим поколениям не столько набор «готовых» идей, сколько возрожденную возможность говорить об идеальном, сам способ мыслить. Приведем цитату из Мамардашвили; это интервью, то есть изложение — чужое, но мысль его, сквозная и заветная.

Она, философия, — ни для чего и никому не служит, ни у кого не находится в услужении, и ею нельзя изъясняться, а можно лишь жить, пытаюсь в терминах и понятиях философии объединять какие-то отрезки (иначе необозримые и несохватные) своей судьбы.

А дальше — дальше будут новые драмы новых поколений, истории новых «отдслов».

Aleksander Archangielski

WYDZIAŁ — CO OSIĄGNEŁI FILOZOFOWIE LAT 60.?

Streszczenie

Autor artykułu prezentuje ośmioodcinkowy dokumentalny serial *Wydział*, przeznaczony dla kanału telewizji rosyjskiej „Kultura”. Mowa w nim o losach intelektualistów epoki sowieckiej — wybitnych, lecz mało znanych poza Rosją filozofów, socjologów, publicystów, takich jak Merab Mamardaszwili, Aleksander Piatigorski, Jurij Zamoszkin, Erich Sołowjow, Borys Gruszyn, Jurij Kariakin, Jurij Lewada i wielu innych. Znaleźli sobie oni dla siebie możliwość refleksji i swobody twórczej jako pracownicy Instytutu Międzynarodowego Ruchu Robotniczego między rokiem 1966 a 1968, a także na łamach wydawanego wówczas pisma „Problemy Pokoju i Socjalizmu”. Byli dobrze obeznani z filozofią zachodnią, przemawiali językiem „niesowieckim”, realizowali się nie tylko jako myśliciele, ale i w działaniu praktycznym. Pokolenie filozofów lat 60. przez jakiś czas żywiło złudzenia, że zarówno sowiecki system, jak marksistowską ideologię można przeobrazić od wewnątrz, nadać im humanistyczny wymiar. Najbardziej wybitnym jego reprezentantem był Merab Mamardaszwili. Jednak począwszy od lat 70., w breżniewowskich czasach nasilającej się intelektualnej degeneracji, środowisko to stanęło przed koniecznością metafizycznego wyboru: pozostać wiernym sobie lub iść na kompromisy etyczne. Ludzie ci nie znaleźli też dla siebie miejsca w Rosji postsowieckiej. Każdy z ośmiu odcinków serialu opisuje ich losy, powikłane i wręcz tragiczne — jedni emigrowali, inni odeszli od filozoficznej refleksji, jeden nawet popełnił samobójstwo. Mimo wszystko pokolenie to się spełniło, wypracowało język dla nowych generacji filozofów rosyjskich umożliwiający swobodną wymianę myśli z intelektualistami Zachodu.

Aleksandr Arkhangelsky

FACULTY — WHAT DID THE PHILOSOPHERS OF THE SIXTIES
MANAGE TO ACHIEVE?

Summary

The author of this paper presents documentary series (eight episodes) *Faculty*, dedicated to Russian TV canal „Culture”. The serial shows lives of the intellectualists of Soviet period — prominent but little-known beyond Russia philosophers, sociologists and publicists such as Merab Mamardashvili, Alexander Piatigorsky, Yuri Zamoshkin, Erikh Solovyov, Boris Grushin, Yuri Kariakin, Yuri Levada and many others. They have found for themselves the possibility of reflection and artistic freedom as the employees in the Institute of International Labor Movement between 1966 and 1968, as well as in the papers of published at that time magazine “Problems of Peace and Socialism”. They were well familiarized with Western philosophy, they spoke non-Soviet language, they realized themselves not only as the thinkers but also in practice. The generation of philosophers of the sixties bore the illusion that Soviet system, as well as Marxist’s ideology can be transformed from the inside, that humanistic dimension can be launched. The most prominent representative was Merab Mamardashvili. However, starting from the seventies in the Brezhnev’s period of intensified intellectual degradation, this community confronted the necessity of metaphysical choice: whether they stay faithful to themselves or agree to the ethical compromise. These people did not find a place for themselves also in post-Soviet Russia. Every of eight episodes of this serial presents their complicated and tragic lives — some of them has emigrated, others abandoned philosophical reflection, one committed suicide. Despite of all, members of this generation fulfilled themselves. They developed language for new generations of Russian philosophers making the free exchange of thoughts with Western intellectuals possible.